

В ЭТОМ НОМЕРЕ 12 СТРАНИЦ.

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 476

16 JUILLET 1954

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

10-й ГОД ИЗДАНИЯ
DIXIÈME ANNÉE.

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

40 frs

ОСНОВАТЕЛЬ А. Ф. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2 — Tél.: CEN. 44-27.

Fondateur A. Stoupnitzky

„Беспринципность“ Чехова

Чехов по-настоящему, вероятно, рассердился один раз в жизни: когда В. М. Лавров, журналист, переводчик и, с 1882 г., редактор журнала «Русская Мысль», обмолвился в критической статье следующей фразой:

— Даже такие жрецы беспринципного писания, как г.г. Ясинский и Чехов...

К критикам, даже суровым и злонамеренным, Чехов относился философски — спокойно, но обвинения в «беспринципности» обладали способностью выводить его из себя. Лаврову он написал немедленно после появления книжки журнала с указанной выше статьей (апрель 1890 г.) письмо, которое начинается просто «Вукол Михайлович!» — даже без «многоуважаемый»...

— На критики обыкновенно не отвечают, — писал Чехов, — но в данном случае речь может быть не о критике, а просто о клевете. Я, пожалуй, не ответил-бы и на клевету, но на-днях я надолго уезжаю из России, быть может, никогда уж не вернусь и у меня нет сил удержаться от ответа.

Беспринципным писателем, или, что одно и то же, прохвостом я никогда не был.

Правда, вся моя литературная деятельность состояла из непрерывного ряда ошибок, иногда грубых, но это находит себе объяснение в размерах моего дарования, а вовсе не в том, хороший я, или дурной человек. Я не шантажировал, не писал ни пасквилей, ни доносов, не льстил, не лгал, не оскорблял, короче говоря, у меня есть много рассказов и передовых статей, которые я охотью бы выбросил за их негодностью, но нет ни одной такой строки, за которую мне теперь было бы стыдно. Если допустить предположение, что под беспринципностью вы разумеете то печальное обстоятельство, что я, образованный, часто печатавшийся человек, ничего не сделал для тех, кого люблю, что моя деятельность бесследно прошла, например, для земства, нового суда, свободы печати, вообще свободы и проч., то в этом отношении «Русская Мысль» должна по справедливости считать меня своим товарищем, но не обвинять, так как она до сих пор сделала в сказанном направлении не больше меня — и в этом виноваты не мы с вами.

Письмо заканчивается так:

— Обвинение ваше — клевета. Просить его взять назад я не могу, так как оно вошло уже в свою силу и его не вырубишь топором; объяснить его неосторожностью, легкомыслием или чем-нибудь в роде, я тоже не могу, так как у вас в редакции, как мне известно, сидят безусловно порядочные и воспитанные люди, которые пишут и читают статьи, надеюсь, не зря, а с сознанием ответственности за каждое свое слово. Мне остается только указать вам на вашу ошибку и просить вас верить в искренность того тяжелого чувства, которое побуждало меня написать вам это письмо. Что после вашего обвинения между нами невозможны не только деловые отношения, но даже обыкновенное шапочное знакомство, это само собой понятно.